

МОДЕЛИРОВАНИЕ ДИСКУРСА В ТЕРМИНАХ ТЕОРИИ РИТОРИЧЕСКОЙ СТРУКТУРЫ

© 2006 А.А. Сусов

Московский государственный университет

В последние десятилетия многообразные опыты описания замкнутой в себе, имманентной языковой системы с позиций структуралистского и генеративистского подходов дополнились тоже весьма многообразными концепциями дискурса как сферы использования языка людьми в их деятельности общения, осуществляемой в различных социоэтнокультурных контекстах (см.: 1; 3; 6; 7; 9; 11; 14; 22).

Дискурс, являясь относительно законченным в функциональном плане речевым событием, в непосредственном опыте нам дан как линейная, одномерная структура, и именно это имел в виду Фердинанд де Соссюр, говоря о линейности языка (точнее — о линейности означающего языкового знака) [10, 103]. Речь развертывается во времени элемент за элементом. Ее можно представить в виде последовательностей фонем/аллофонов, морфем/аллофонов, слов/словоформ, предложений/высказываний, либо же в виде последовательностей речевых актов, речевых ходов, речевых интеракций. Линейная сторона дискурса оказывается на первом плане в исследованиях по разговорному анализу (анализу разговора).

Но линейность — это внешняя данность. Вместе с тем каждый из названных элементов речевого потока помимо “горизонтального” измерения имеет одно или несколько “вертикальных” измерений. Например, отдельный звук речи есть единство ряда фонологически релевантных и не релевантных симультанных признаков. Следующие друг за другом в линейной цепи элементы речевых комплексов чаще всего располагаются на разных ступенях структурной иерархии. Так, иерархическую организацию наглядно демонстрирует слог как минимальная артикуляционная единица. В нем роль вершины принадлежит гласному как слогаобразующему элементу. Иерархия проявляет себя там, где имеется минимум два соотносимых элемента.

Иерархический принцип организации характерен для словоформы, словосочетания, пред-

ложения и т. д. В многоморфемной структуре словоформы роль вершины выполняет корневая морфема, в словоизменительной структуре — основа (база).

В предложении (в зависимости от грамматической традиции) вершиной считается или пара “подлежащее — сказуемое” (в грамматике фразовых структур пара “именная группа — глагольная группа”, непосредственно подчиненная узлу Sentence ‘Предложение’), или глагол/предикат (как у Люсьена Теньера, Чарлза Филлмора, Уолласа Л. Чейфа, С. Д. Кацнельсона, А. А. Холодовича, В. В. Богданова, В. Б. Касевича и мн. др.).

Чем с более крупным по своему формату речевым явлением мы имеем дело, тем более сложными оказываются проблемы репрезентации иерархического строения изучаемых комплексов. Многочисленные исследования формальной и смысловой организации предложения уже показали довольно наглядно неисчерпаемость возможных подходов. С этим же сталкиваются на протяжении последних десятилетий специалисты по анализу дискурса [6; 7; 8; 9; 11; 14; 21; 26].

Дискурс и линейен, и многомерен, как любое речевое явление. В его иерархической организации взаимодействуют, с одной стороны, множество образующих его элементов, а с другой стороны, множество связывающих эти элементы отношений.

При описании дискурса как целостного системного образования приходится, прежде всего, решать вопрос о том, какое линейное звено следует признать базисной, конститутивной единицей, которую можно было бы рассматривать как терм системообразующих отношений, и неразрывно связанный с ним вопрос о том, каков набор отношений, наиболее релевантных для достаточно непротиворечивого моделирования строения дискурса. К сожалению, первый вопрос часто рассматривается в отрыве от второго.

Среди множества концепций, стремящихся представить дискурс как иерархическую систе-

му, внимание на себя обращает Теория Риторической Структуры (ТРС), разработанная Уильямом Манном и Сандрой Томпсон [16; 17; 18; см. также: 6; 7; 8].

Потенциал ее концептуального аппарата был высоко оценен в лингвистической литературе: «Существует ряд весомых подтверждений того, что ТРС в значительной степени моделирует реальность и представляет собой важный шаг в понимании того, как дискурс устроен “на самом деле”» [8, 313].

Теория Риторической Структуры (ТРС) выделяет в структуре дискурса, во-первых, дискурсивные единицы того или иного формата и, во-вторых, связывающие их семантические отношения (в ТРС риторические отношения). Итоговым представлением является дерево-граф.

В этой теории, как и во многих других подходах к дискурсу (ср., например, Livia Polanyi [21]), на роль элементарной дискурсивной единицы (ЭДЕ) выдвигается простое предложение, предикация, именуемая в англо-американской традиции клаузой [см.: 6; 7; 8]. Предикативная единица — это и минимальная интонационно-речевая единица (синтагма в щербовской школе отечественного языкознания), и первый кандидат на роль носителя иллокутивной функции, так что дискурс можно рассматривать и как последовательность речевых актов, каждый из которых обладает своими пропозициональными содержаниями и авторскими интенциями.

А. Л. Литвиненко уточняет требования к идентификации этих единиц [8], подчеркивая, прежде всего, их совпадение с клаузами как элементарными предложениями, состоящими из одной глагольной группы и одной или нескольких именных групп, и указывая, что при делении сложных предложений на ЭДЕ особо вычлениаются только клаузы, входящие в сочинительные комплексы, а также обстоятельственные придаточные, но не дополнительные и не определительные придаточные.

Вместе с тем допускается мысль о более крупных терминах риторических отношений, они обозначаются как дискурсивные единицы (a text span) и относятся к единицам любого объема, вступающим в дискурсивные отношения, которые в свою очередь сами могут состоять из ЭДЕ, соединенных риторическими отношениями.

Действительно, многие виды дискурса нуждаются в конституировании единиц большего формата, таких как речевой ход [14]. Для примера можно обратиться к аргументативному дискурсу, который традиционно был объектом исследования в логике и риторике, а в настоящее время привлекает внимание и лингвистов. Аргументация может трактоваться как последователь-

ность аргументативных ходов. Минимум аргументативного дискурса составляет один ход (допустим, речь политика перед массовой аудиторией или обвинителя на судебном процессе). Аргументативные ходы могут чередоваться как речевые вклады разных участников, образуя аргументативные интеракции.

Сам аргументативный ход имеет в принципе сложную логическую структуру. Так, В. З. Демьянков выделяет в нем следующие компоненты: а) данные (или факты); б) основное защищаемое утверждение, или заключение; в) обоснование (гарантия правильности заключения); г) обстоятельства, поддерживающие это заключение (например, аргументы); д) оценка относительной силы аргументов; е) уступки, позволяющие доказывающему, не отказываясь от своей основной цели, как бы пойти навстречу потенциально возражающей аудитории [4, 328]. В более поздней работе В. З. Демьянкова, ссылаясь на С. Тулмина, перечисляет те же шесть функций аргументации: а) данные; б) заключение, или содержание утверждения; в) обоснование (гарантии); г) опорные положения; д) квалификатор типа *вероятно, возможно, несомненно*; е) уступки и исключения [5, 115]. Целесообразно (с учетом дальнейшего анализа) привести англоязычные эквиваленты их названий: входные данные (input), заключение (conclusion), обоснование (justify/basis), опорные положения (supports), уступки (concessions). Эти опорные единицы в строении аргументации могут быть представлены как с помощью крупных дискурсивных единиц, так и с помощью ЭДЕ.

Риторические отношения (РО) могут быть: а) асимметричными, т. е. связывать пары синтаксически неравноправных элементов (господствующий элемент/ядро + подчиненный элемент/сателлит), и б) симметричными, когда они связывают в один комплекс синтаксически однородные составляющие. Каждое из отношений характеризуется своей семантической функцией.

Симметричные отношения имеют место при сочинении ядер. Это отношения Последовательности (Sequence), Противопоставления (Contrast) и Конъюнкции (Joint). В более новых версиях ТРС к ним добавились отношения Дизъюнкции (Disjunction), Многоядерной переформулировки (Multinuclear Restatement) и Перечисления (List).

В подчинительных комплексах фиксируются следующие отношения сателлита к ядру: 1) Свидетельство (Evidence), 2) Уступка (Concession), 3) Развитие (Elaboration), 4) Мотивация (Motivation), 5) Волеитивный результат (Volitional Result), 6) Условие (Condition),

7) Оценка (Evaluation), 8) Обоснование (Justify), 9) Обстоятельство (Circumstance), 10) Фон (Background), 11) Волитивная причина (Volitional Cause), 12) Неволитивный результат (Non-Volitional Result), 13) Альтернатива (Otherwise), 14) Переформулировка (Restatement), 15) Анти-тезис (Antithesis), 16) Волитивная причина (Volitional Cause), 17) Обеспечение возможности (Enablement), 18) Неволитивная причина (Non-Volitional Cause), 19) Цель (Purpose), 20) Интерпретация (Interpretation), 21) Резюме (Summary). В более новых версиях ТРС к ним добавились отношения Сравнения (Comparison), Источника (Source), Средства (Means), Необусловленности (Unconditional), Негативного условия (Unless) и Подготовки сообщения (Preparation).

ТРС, обладая рядом достоинств, не лишена и ряда серьезных недостатков. Во-первых, она ограничена только описанием монологического дискурса, для анализа диалога она еще не адаптирована.

Во-вторых, достаточно известны трудности, возникающие при использовании ТРС для решения вопросов идентификации конкретного риторического отношения, связывающего дискурсивные единицы. Если носитель языка еще может обратиться к своей интуиции, то при автоматической обработке подобная неоднозначность является серьезной проблемой. Данные трудности перехода от конкретного текста к его представлению в терминах ТРС объясняются недостаточной формализацией классификационных признаков.

Поэтому, столкнувшись с ней, разработчики системы ILEX [13], использующей аппарат ТРС для автоматического порождения текста, были вынуждены изменить набор риторических отношений по сравнению с исходным набором РО. Сами авторы описывают это следующим образом: “Тогда как в ТРС отношения описаны посредством абстрактных дефиниций и им не ставятся в соответствие конкретные языковые выражения, в системе ILEX отношениям эксплицитно поставлены в соответствие лексические формы” [13].

В-третьих, к числу весьма существенных недостатков добавим следующее. Как ни парадоксально, ТРС не обладает своим метаязыком в виде ограниченного набора признаков, на основании которых возможно было бы провести классификацию отношений. Это перекликается с уже отмеченной недостаточно четкой дефиницией отношений, а также с сомнениями относительно того, представлено ли искомое отношение в наборе РО вообще.

Приведем пример. Категория полярности, т. е. противопоставление отношений по призна-

кам позитивное vs. негативное, истинность vs. ложность, за vs. против, очевидно, может быть различительной для классификации риторических отношений. Сравним ее использование для четырех условных РО и трех отношений обоснования. В частности, отношение Условия (Conditional) имеет целых три негативных аналога (заметим, что в условных конструкциях различаются две части: посылка, в которой вводится фактор реализации, и импликация, в которой содержится описание возможной ситуации):

а) Альтернатива (Otherwise, Anti-conditional), когда реализация ситуации в посылке (Ядро) препятствует реализации ситуации в импликации (Сателлит), например: *Не от хорошей жизни поднимает тарифы Чубайс, в противном случае он будет вынужден работать себе в убыток.*

б) Негативное условие (Unless) (например, союз *если не*), когда нереализация некоторой ситуации в посылке (Сателлит) является условием реализации ситуации в импликации (Ядро), например: *Она продолжается бесконечно, если не ограничивать аппетиты чиновников жесткой рукой.*

в) Необусловленность (Unconditional), в этом случае отрицание относится не к одному из термов, а ко всему отношению в целом, отрицая условную связь, например: *Кроме того, можно подумать, что Запад не обвинил бы Лукашенко в подтасовках – даже если бы выборы были абсолютно честными!*

Таким образом, условные отношения имеют полную парадигму: есть отношения без отрицания, с отрицанием в посылке, в импликации и при самом отношении.

В силу этого обстоятельства в ТРС одновременно есть три РО, характеризующие аргумент в пользу чего-либо, которые, однако, не имеют ни одного негативного аналога. Это отношения Мотивации (Motivation), Свидетельства (Evidence) и Обоснования (Justify). Соответственно, аналогом было бы отношение типа Контраргумент, Контрсвидетельство, которые довольно часто используются, особенно в аргументативном дискурсе.

Конечно, ограниченный объем статьи не позволяет остановиться подробно на отмеченных проблемах. В этой статье делается попытка, придерживаясь исходного перечня РО:

1) предложить единый метаязык для идентификации риторических отношений и описания маркирующих их языковых средств и

2) наметить с использованием этого метаязыка исходные моменты модифицированной классификации отношений.

Что касается проблемы приписывания языковых форм тому или иному риторическо-

му отношению, то трудности этого порядка, по нашему убеждению, вытекают из отсутствия семантического описания самих РО. Что же касается особенностей диалогического дискурса, то он, на наш взгляд, представляет собой надстройку над монологическим, его усложнением. Поэтому также прежде всего требуется предварительное подробное описание более простых отношений.

Главное, с чего нужно начать, это семантическая структура самого отношения. По нашему мнению, риторическое отношение, как и любое отношение, в лингвистике является предикатом наряду с действиями, состояниями и свойствами. Риторическое отношение — это двухместный предикат (некоторые многоядерные отношения могут иметь большее число валентностей) с валентностью на предикативные вершины ЭДЕ. Этой вершиной может быть сам предикат клаузы, подчиняющий его модальный или иной оператор или перформативная вершина. РО может также подчинять другое РО в случае, когда то является вершиной дискурсивной единицы из нескольких ЭДЕ. Заметим, что это семантический взгляд на риторическую структуру и в ТРС он эксплицитно не представлен.

Итак, особенность РО в том, что они не имеют валентности на именные партиципаны (за очень редким исключением).

Теперь перейдем к параметрам РО. Наиболее полно параметры для классификации РО описал М. Луверс [15], основываясь на сравнении различных подходов к построению таксономии отношений когезии и когеренции. Надо отметить, попытки классификации семантических дискурсивных отношений и дискурсивных маркеров предпринимались неоднократно.

Однако сравнение их весьма затруднено, поскольку, во-первых, одни авторы (например, Манн и Томпсон) делали упор на исследование когеренции, т. е. самих дискурсивных отношений, в то время как другие (например, [12]) шли от языковых форм, т. е. от когезии. Сравнение также затруднено ввиду отсутствия некоторого единого устоявшегося терминологического аппарата, или метаязыка, для описания дискурсивных отношений.

М. Луверс [15, 293] выделяет те параметры, которые наиболее часто используются для описания отношений когезии и когеренции. Выделенные им четыре группы параметров мы считаем необходимыми для описания семантики РО, однако нуждающимися в дополнении. М. Луверс выделяет:

1) Тип отношения: различаются три типа отношений — каузальные, темпоральные и аддитивные;

2) Полярность: все таксономии включают пары, состоящие в отношении контраста [$\pm$ positive];

3) Направление: различие заключается в порядке, в котором ЭДЕ следуют друг за другом (например, причина предшествует или следует за результатом). Автор использует характеристику [$\pm$ backward];

4) Уровень дискурса: описывает ли РО связь двух событий в реальном мире (семантическое, или объектное РО) или связывает два речевых акта (прагматическое, или презентационное РО).

На наш взгляд, этот набор параметров нуждается в дополнении.

1) Тип отношения — это основная составляющая семантики РО. Однако трех вышеуказанных типов явно недостаточно. В основе РО может лежать любое логическое отношение, например отношение дизъюнкции для РО Дизъюнкция (Disjunction).

2) Параметр Полярность — о нем мы уже упоминали при рассмотрении условных отношений. Положительное или отрицательное значение может получать одна из ЭДЕ или все отношение в целом.

3) Параметр Направление — он необходим для описания когезии, т. е. связи дискурсивных единиц, но не для описания когеренции, поскольку для самого отношения как дефиниции, пока он не реализован, не существует линейного порядка следования подчиненных ему элементов.

Этот параметр ставит в соответствие (прямое или обратное) следование событий в реальном мире, называемое также естественным порядком, их следованию в дискурсе. Значение [$+$ backward] (в букв. переводе ‘назад’) как раз отражает разнонаправленность этих отношений. Характеристика **линейный порядок** заложена в семантике языковых маркеров каузальных отношений. Приведем примеры:

а) *Всю ночь шел дождь, поэтому дороги стали труднопроходимы.* В этом примере событие, произошедшее раньше, упоминается первым.

б) *Дороги труднопроходимы, потому что всю ночь шел дождь.* В этом примере имеем разнонаправленность.

Таким образом, различие между этими союзами заключается в значении параметра Направление. Опишем их семантику в терминах М. Луверса:

потому что [$+$ causal, $+$ backward, $+$ positive]

потому [$+$ causal, $-$ backward, $+$ positive]

4) Четвертый параметр определяет, единица какого уровня является вершиной ЭДЕ и соответственно является валентностью РО. В ТРС этот параметр нашел отражение в делении асимметричных отношений на объектные, или пред-

метные (subject-matter), отражающие связь между событиями в реальном мире, и интенциональные, или презентационные (presentational), связывающие речевые акты. Однако бинарное членение не отражает в точности, что именно является вершиной ЭДЕ.

Наиболее развернутая иерархия представлена у Pander Maat and Degand [20, 216] на материале каузальных РО. Авторы располагают РО в зависимости от степени вовлеченности говорящего в отношении. Максимальной степенью вовлеченности обладают отношения между речевыми актами, так как в них представлен сам говорящий. Мы будем придерживаться этой классификации. Приведем ее в порядке возрастания степени вовлеченности говорящего:

а) Неволитивные отношения связывают ситуации, обозначающие события в реальном мире.

б) Волиитивные отношения определяют в качестве причины некоторого сознательного действия ментальное состояние агента (решение, желание, потребность, оценка). Это ментальное состояние агента обычно выражается с помощью модального компонента, иерархически стоящего выше смыслового предиката, поэтому волиитивные отношения имеют более высокий иерархический ранг.

Он хотел успеть на самолет, поэтому покинул заседание. Здесь каузальному риторическому отношению подчинено модальное слово *хотел*, образующее семантическую вершину первой ЭДЕ.

в) Эпистемические отношения (каузальные и некаузальные, причем каузальные стоят иерархически ниже) связывают отношения вывода нового знания из старого. Агент, делающий умозаключение, может совпадать или не совпадать с говорящим. Иерархическая вершина у этих отношений — когнитивное состояние (знание, уверенность), семантически более высокое, чем ментальное состояние агента.

г) Мотивация речевого акта обладает максимальной степенью вовлеченности говорящего:

Ты был груб, поэтому я прошу тебя уйти. (В качестве следствия здесь выступает речевой акт — просьба.)

д) Резюмирование и перефразирование обладают такой же степенью вовлеченности говорящего, как и мотивация речевого акта, и отражают операции говорящего над текстом.

5) Различение ядра и сателлита является весьма важным для описания многих явлений в дискурсе. Например, на материале английского языка [19] доказано, что Ядро не может одновременно вводиться союзом и предшествовать Сателлиту. На Сателлит же такое ограничение не распространяется.

6) Следующий параметр, который мы бы хотели ввести, мы заимствуем из теории когнитивного картирования, которая, по А. Н. Баранову, оперирует каузальными отношениями между событиями. «Варианты формализма когнитивной карты позволяют более точно отражать степень воздействия события на другое событие с помощью аппарата “весов”, приписываемых стрелкам. Часто используется трехкомпонентная шкала весов — 1 (минимальное влияние), 2 (“обычное”, “нормальное” влияние), 3 (сильное, решающее влияние)» [2, 282].

Сила связи, вес связи имеет специфическое языковое выражение, иначе говоря, она заложена в семантике языковых выражений, служащих для оформления каузальных связей:

— минимальное влияние: *оказать влияние, повлиять, служить фактором;*

— “обычное”, “нормальное” влияние: *поэтому, так как, вследствие;*

— сильное, решающее влияние: *оказать решающее влияние, быть (исключительной, главной) причиной.*

В наборе РО значение “минимальное влияние” заложено в семантике отношения Средства (Means), которое именно этим отличается от отношений Волиитивная Причина (Volitional Cause) и Неволитивная Причина (Non-Volitional Cause), которые обозначают основную причину события, тогда как Средство (Means) — лишь второстепенную.

В результате проведенного сопоставления различных подходов и анализа самих риторических отношений нами выделяются шесть групп параметров, на основании которых можно осуществить достаточно полную классификацию РО. Это:

- 1) Тип отношения.
- 2) Полярность.
- 3) Направление.
- 4) Уровень дискурса.
- 5) Ядра vs. сателлит.
- 6) Сила связи.

ЛИТЕРАТУРА

1. Арутюнова Н. Д. Дискурс / Н. Д. Арутюнова // Языкознание: Большой энциклопедический словарь. — М., 1998. — С. 136—137.
2. Баранов Введение в прикладную лингвистику / А. Н. Баранов. — М., 2001. — 358 с.
3. Богданов В. В. Речевое общение: Прагматические и семантические аспекты / В. В. Богданов. — Л., 1990. — 88 с.
4. Демьянков В. З. Конвенции, правила и стратегии общения: (Интерпретирующий подход к аргументации) / В. З. Демьянков // Изв. АН

- СССР. Сер. лит. и языка. – 1982. – Т. 41. – № 4. – С. 327–337.
5. Демьянков В. З. Аргументирующий дискурс в общении: (По материалам зарубежной лингвистики) / В. З. Демьянков // Речевое общение: Проблемы и перспективы. – М., 1983. – С. 114–131.
6. Кибрик А. Дискурс / А. Кибрик, П. Паршин // Кругосвет. – (<http://www.krugosvet.ru>)
7. Кибрик А. А. Функционализм / А. А. Кибрик, В. А. Плунгян // Современная американская лингвистика: Фундаментальные направления. – Изд. 2-е, испр. и доп. – М., 2002. – С. 276–339.
8. Литвиненко А. Л. Описание структуры дискурса в рамках Теории Риторической Структуры: Применение на русском материале / А. Л. Литвиненко. – (<http://www.dialog-2001.ru>)
9. Макаров М. Л. Основы теории дискурса / М. Л. Макаров. – М., 2003. – 277 с.
10. Соссюр Фердинанд де. Труды по языкознанию. – М., 1977. – 695 с.
11. Brown Gillian & Yule George. Discourse Analysis. – Cambridge, etc., 1986. – 288 p.
12. Halliday Michael A. K. and Rugaiya Hasan. Cohesion in English. – London, 1976.
13. ILEX – Intelligent Labelling Explorer. – (<http://www.hcrc.ed.ac.uk/ilex>)
14. Levinson Stephen C. Pragmatics. – Cambridge etc., 1985. – 420 p.
15. Louwse M. An Analytic and Cognitive Parameterization of Coherence Relations. – Cambridge, 2001. – 320 p.
16. Mann William & Thomson Sandra A. Rhetorical Structure Theory: A Theory of Text Organization. – University of Southern California, 1987.
17. Mann William, Matthiessen Christian, and Thompson Sandra A. Rhetorical Structure Theory and Text Analysis. – University of Southern California, 1989.
18. Mann William, Matthiessen Christian and Thompson Sandra A. Rhetorical Structure Theory and Text Analysis // Discourse Description. – Amsterdam, 1992. – P. 39–78.
19. Oberlander Jon & Moore Johanna D. Discourse Cues: Further Evidence for the Core-Contributor Distinction // Cognitive Linguistics. – 2001. 12/3. – P. 317–332.
20. Pander Maat, H. & Degand, L. Scaling Causal Relations and Connectives in Terms of Speaker Involvement // Cognitive Linguistics. – 2001. – 12/3.
21. Polanyi Livia. The Linguistic Structure of Discourse. – Chicago, 1995.
22. van Dijk Teun A., Kintsch Walter. Strategies of Discourse Comprehension. – New York etc., 1983. – 418 p.

Рецензент – И. А. Стернин.